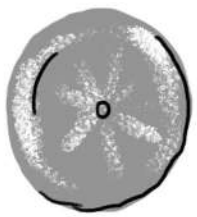

Турам Тареев

Турам Тареев Кунзавоо

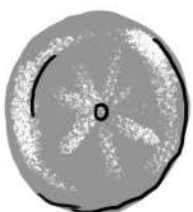
Кунзавоо

Химические заводы, которые я знал и любил...

Сейчас литература претерпевает кризис. Пишется немного, а если и пишется, то малоинтересное. Здесь мы готовы представить вам иное положение вещей. Сборник «Химзавод» наполнен экзистенциальным трепетом перед давящей реальностью, ужасающими зарисовками жизни и отсылками на ту литературу, которую стоит читать.

Поэтический зин посвященный химзаводу и его обитателям.

Казань-Москва 2006-2015

Содержание:

МНЕ СНИЛИСЬ.....	7
Роется лишь ветер на помойке.....	8
Шли фашисты муравьи.....	9
— Эх, трубы, трубы, трубы.....	10
ЛАБИРИНТ.....	11
Возвращение.....	12
Садилось солнце над Москвой.....	13
У пустого ночного завода.....	14
мужик в утепленных черных штанах.....	15
Карусели поднимали над городом.....	16
До «Первого мая» доехал автобус.....	17
Куда-то в никуда лаяла собака.....	18
Не сотрутся в памяти заборы.....	19
Ржавые звезды заводов.....	20
Беспольный молодец возвращался домой.....	21
Я строил свой мир в своей голове.....	22
Разрушая девственность лёгких.....	23
от такси до подъезда.....	24
Слушаю звуки пустого завода.....	25
В маслянистой телогрейке.....	26
Вечера сосут глазницы.....	27
Опять мне снится сон, один и тот же сон.....	28
СТАРШИЙ МАСТЕР.....	29
Ильсур шел через гору сугробов.....	30
Ты наклоняешь голову под душем.....	31
Другая Луна.....	32
Февраль, мороз, завод и баня.....	33

Послание Антону.....	34
Из пенат возвращался в пенал.....	35
Я как серый пепел на свинцовых плитах.....	36
Над каждым мужчиной висит тюрьма.....	37
Дочери на матерей похожи.....	38
Что-то резко омрачился.....	39
Градус тоски повышался.....	40
Чистят картошку, режут капусту.....	41
Каморка-слесарка вращается в Космосе.....	42
Я не могу себя простить.....	43
Сижу в бассейне со старухами.....	44
СМЕРТЬ НА СМЕНЕ.....	45
ЭДЕМ.....	46
БИТВА В ЦЕХУ.....	47
Мелкая щебёнка.....	48
СЕРПАНТИН.....	49
Ты смеешься как сайгак.....	50
ПУТЁВКА ОТ ЗАВОДА В АНАПУ.....	51
СОН НА ЗАВОДЕ.....	52
Стрекозы сброшены на пол.....	53
Старая советская вакуумная линия.....	54
Ты носишь голубые кальсоны.....	55
ДЕТСКИЙ САД.....	56
ДЕТСТВО.....	57
Утро-подёнка, день – старожил.....	58
Я вижу магию будущих дней.....	59
Откровения бесполезного молодца.....	60
В коммуналке пахнет луком.....	61

«Я вспоминаю все подарки умершего дня,
они растут, пухнут,
становясь всё тяжелее,
точно могила надо мной»
М. Горький

Я кот в океане трав.
Был ли кто-то неправ?

Полуразрушенные снаружи, но неслышно продолжающие функционировать внутри, утопающие летом в зарослях плюща, гигантскими коридорами с облупившейся мутно-зеленой краской соединяющиеся в один лабиринт цеха́ химзавода «Тасма» 2007-го года.

Завод, как огромный броненосец медленно и осторожно двигался, чтоб не замерзнуть и не уснуть. Выныривая через распахнутые ворота, сменив кислый печальный запах ксилола и острый запах соляной кислоты (перешагнув груды сугробов и сваленные в кучу магнитные ленты) здания «150» на формальдегидный – застывшего коллодия – цеха «92», поворачивал туловищем, задымленным от потухших окалин электродной сварки по ржавым трубам, вытягивал лапы огромных корпусов цеха «90», пока его когти, заросшие пробившимися через кирпич берёзками, обрезанными эстакадами, не упирались в пустырь. На пустыре сонно ворочались среди руин, обтянутых зелёной сеткой, экскаваторы, нехотя перекладывая месиво из арматур, глины и свисающих с ковша пучков киноплёнки с места на место. Завод устало глядел тысячами разбитых и целых, светящихся блёклым матовым окон на разбросанные невидимым великаном цистерны и бредущих по пробитым по утрам после вьюги тропинкам первопроходцев утренней смены.

Из ноздрей его пахло тёплой солёной кашицей обойного клея – когда мы шли в предрассветной зимней темноте мимо огромных сталактитов-сосулек, растущих у сифонящих горячим паром труб.

Его нутро обволакивало мерным вездесущим гулом – сменялись друг за другом звенящие звуки насосов, глухие хлопки вытяжки, утопающий под потолком мягкий треск сушилки – проникая в твоё сердце монотонной какофонией, завод толкал тебя как свою кровь горячечной вспышкой рабочего дня.

Летним вечером идущих в ночную смену завод оглушал внезапной тишиной заброшенного сада, затягивал в свой непонятно куда зовущий душу, но застывший вместе с тобой Инсмут. Тёплые летние сумерки ласкали ветром лицо в награду за единение неспящего с зарастающими пяточками пустырей из облицовочной плитки, редкими криками ворон на болтающихся расколотых чашечках фонарей, железными лестницами, обрывающимися в высоте. Щелкали, засыпая в последнем толчке, уткнувшиеся в тупик вагоны товарняка.

Казалось, что вся твоя жизнь: это застывший в янтаре заводских пейзажей взгляд в самый пыльный угол Вселенной. И ты подчинялся этой нависшей над тобой громаде, заполнял себя ею и становился навсегда одним из маленьких вентиляей химзавода «Тасма» 2007-го года.

Изначально идея этого сборника была воплощена немного ранее в виде фотозина, в котором стихи были написаны от руки и сверстаны вместе с фотографиями.

Это делало сборник более зрительным, но менее удобным для восприятия текста. Поэтому хотелось выпустить также “классическую” версию «Химзавода».

В сборник вошли стихи, написанные с 2006-го по 2015-й. Всех их объединяет фигура Завода, работающих и работавших на нём людей и механизмов. Даже там, где действие или мысль происходят “за пределами цеха”. Стихи были написаны автором в период его работы на нескольких предприятиях, по большей части связанных с химической отраслью.

МНЕ СНИЛИСЬ

Мне снились серые изгибы трубопроводов
И арматуры новостроек
И я гулял на поводу у настроения
Среди дворов и магазинов.
Мне снились плиты заводских заборов
И сонная крапива возле шпал
Мне снились воробьи на козырьке подъезда
И муравьи, и мотыльки, и снег...

Роется лишь ветер на помойке
Вымерли природы голоса
Нет огней. Пустые новостройки
Высятся как темные леса
Замерли конвейеры завода
И лишенный жизни океан
И спокоен холод небосвода
Как окно в космический инь-ян.

Шли фашисты муравьи
Мимо сигарет-огней
И скинхеды воробьи
Против зомби-голубей
Гедонисты-города
Плавились в канцерогене
Пляжа грязная вода
Окурок полоскала в пене
Горожане-тополя
Наблюдали за закатом
Химзавод, трубой смоля,
Красил чёрным неба вату.

— Эх, трубы, трубы, трубы,
Зачем вы издаёте звук плачущих старух?
— Мы ж завода ржавые губы,
Так что не напрягай свой слух.
— Но я, засыпая, слышу:
Кто-то плачет на чердаке!
— Это старый воск грызут мыши,
Копошась в барахла бардаке.
— А кто сейчас грохотал за стеною?!
В здании, где нет никого, кроме меня!
— Закройся же сна пеленою,
Здесь не действуют законы дня!

ЛАБИРИНТ

Там, где для реальности нет пощады,
Падают громады городов.
Словно в тетрисе пустоты - автострады.
Лежат квадраты заводских складов.
Творя углы, несется "змейка" эстакады,
Плутая в возникающих цехах.
А где-то снег хрустит в объятьях сада
В забытых дачным богом закутках.
Весною громыхает торопливо
В смятенье низких серых облаков
Стальной канат судьбы сплетя игриво
В нешуточный клубок людей, машин, станков.
Стихия спит словно полынь в сугробе,
Клокочущую мощь свою забыв.
Там я иду в запачкавшейся робе
На миг над пустотою жизни взмыв...

Возвращение

Утром у городской инфекционной поликлиники
Бродячие псы покусали прохожих.
Рабочие в рюмочной доставали полтинники.
Понедельник начинался, похоже.
Автобус, пропахший водкой,
Возвращал их вечером на окраину.
Кричал кондуктор с простуженной глоткой.
Замкнутый цикл хранил свою тайну.

Садилось солнце над Москвой.
Советские многоэтажки
Закат лизал. Людской прибой
На берег сплёвывал бумажки
Своих билетов поздних рейсов.
Бросался как на волнорез
Волной одной, но разных фейсов,
Втекал в метро как речка в лес.

У пустого ночного завода
Много маленьких тайн.
Их знают собаки бродячей породы,
Бегающие в метели окраин.
Над горящей бочкой бликует пламя.
Скрипят арматуры на высоте руин.
Эти пейзажи навечно с нами,
Как в сердце Кая осколок полярных льдин.

мужик в утепленных черных штанах,
черной куртке,
черной шапке с полосками,
в черных ботинках
стоя ехал в автобусе,
держа черный пакет в левой руке.
жил на окраине города.
работал на предприятии.

Карусели поднимали над городом
Героев кино и романов
А кто-то на самом дне жизни
Убивался дешевым говном
Поднимались на колесе обозрения
Аферисты романтики и преступники
А я возвращался с промышленной зоны
Смотря на черно-белые сугробы

До «Первого мая» доехал автобус
И дальше не может пойти.
Карлик вертит на хуе глобус,
Проткнув на млечном пути.
Я щупаю город как старую майку,
С обратной стороны шва –
Проплавают гаражи и бараков стайки
Как высохшая ботва.
Я думал, что ты теряешь сознание
На вторые сутки "пути".
Мы разматывали нити вселенского знания.
А Альдо Моро не смог уйти.

Куда-то в никуда лаяла собака
На черные приколы Сатаны
Пьяный Банщик лизал кислую плесень Бака
А наш завод, умирая, видел тихие сны
И дико блаженный старик
Брел сквозь руины в сандалях
Ветер шумел, напевая, и шелестели кусты
Космы седые ничком, на груди трудовые медали
И ты понимаешь, что следующим в этой игре будешь ты...

Не сотрутся в памяти заборы.
Кот на пьяную компанию глядит.
У всех бывают в жизни переборы,
Каждый выдаёт какой-нибудь кульбит.
«Как нежный дельфин не любит цикорий,
Так я ненавижу тебя»
Огромный конкурс на должность агхори
На бирже надежд сентября.
Тобою движет стремленье к карьере,
Мною - уютнейший страх.
Мы все приближаемся к собственной мере,
Оседлав своих черепах.
Невзрачность играет тысячью красок
В объятьях ленивых страстей
Отблеск в зрачках от пламени плясок
И скрип от слиянья частей

Ржавые звезды заводов
Бились лбами о стены
Скрипели на ветру небосводы
Трубы стонали как вены
Обручи-пальцы сжимали
Горлышко-червячок
И, щелкнув ногтем, снимали
Голову как колпачок

Беспольный молодец возвращался домой.

Он лежит как перевернутый жук.
Отрезало под «лигой» палец на заводе.
Не хватает мыслей, ног и рук,
Чтоб доделать все, что было в лом природе.
Ты один внутри пустого зала:
Несколько голов и пара глаз.
Мечешься как мертвая коала,
Когда на «Зове Джунглей» выпустили газ.
Казань живет, мала и некрасива.
На резиновой лодке из Булака в Аид.
Незнакомец в штатском достал свою ксиву.
И вот он уже в канаве лежит.
Как герои Достоевского, бегал по квартирам.
Как персонажи Миядзаки, ползал по цехам.
Пил на стройке водку вместе с бригадиром,
Пиздил на заводе из цветмета хлам.
Ветер бросил капли в лица на надгробьях,
Под зеленой сеткой красная стена.
Тяжелеют кости у мира на надбровьях,
Взгляд его мутнеет, и лезет щетина.

Я строил свой мир в своей голове.
Там было уютно сидеть под "шобе".
У тебя мира не было и ты в отместку
Сунула в свежую кладку стамеску.
Кладка была из яиц мыслеформ,
В ахуе смотрит на нас Эрих Фромм

Разрушая девственность лёгких
Вдыхает дым сигарет
Маленький Миша Русских
В свои одиннадцать лет.
У деревянной стены сарая
Стоя на талом снегу
Уже полчаса ожидая,
Когда я за ним забегу.
Вон мой дом по соседству,
Жёлтый и старый дом.
Я там жил, когда в школе. Детство
Не было тяжким трудом
По асфальту с сиреневым небом
Вдыхая ветер и дым
Где лужи замешаны с снегом
Гуляли по улицам с ним.

от такси до подъезда
пробегаю в Перово
после 20-го съезда
стало всем нам хуёво
мы проходим этапы
удивительных практик
как синт Папы Срапы
в нас рождается тактик
мир на грани излома
бушует товарность
предводителя гномов
отличает коварность
Баадера-Майнхоф
то ли это феномен
ты приходишь с кружков
вчера гёрл, завтра вуман.

Слушаю звуки пустого завода.
Там, где когда-то гудели котлы,
Реальности нет, есть только природа.
Ползают вежи, пустоты светлы.
Прокальмарил второе лето.
Зашёл в кафе на чужие поминки.
Неведомый зверь безмолвствует где-то.
Теряю сознание, смотрю на ботинки...

В маслянистой телогрейке
Я мусолил соску сна
Сердце как солдат на рейке
Прыгало с вершин до дна.
Было страшно и тревожно
Как при высадке на Крит
В темноте ведь всё возможно,
Даже всяческий spirit.
Утро встретило криком радио,
Потрогал сердце – на месте,
Сверил с паспортом рожу и ФИО –
Хорошо быть с разумом вместе.

Вечера сосут глазницы
В Инсмут странной пустоты
Прошрое уже не снится
Не видно впереди мосты.
В старости вставляют только зубы
Крыши с небом в один цвет слились
И рассвет взошел холщово-грубый,
Когда наши к Чевенгуру прорвались.
Снова впереди прозрачно-серый,
Позади всё просто и случайно
Мой паяц уходит на галеру.
Беглецы уносят свою тайну.

Опять мне снится сон, один и тот же сон -
Из бугорков на коже ухвертки лезут вон.
Надавишь посильней - торчат её клешни,
А дальше вылезают уже полностью они.
Не знают мне врачи, что же сказать о них,
И из любых участков тела я выдавливаю их.

СТАРШИЙ МАСТЕР

Я помню, мы смотрели в лужу,
Чертя ботинками ей выход,
Тебя жена ждала на ужин.
Бензином красил воду выхлоп.
Ты прогревал мотор "Приоры",
Дневная смена завершалась,
И думал - не пробрались б воры
На склад, где крыша разрушалась.
В твоём рабочем кабинете
Висела карта СССР.
Просили дети о
"планшете",
Хотелось всё послать на хёр...
Ты раньше плавал в мореходку.
И ездил драться к люберам,
На рынке продавал селёдку,
Но 90-х смёл буран
Всю рыбу с твоего прилавка,
А самого забросил в цех,
Теперь ты старший мастер Славка:
Тоска в глазах и мрачный смех.

Ильсур шел через гору сугробов
После того, как закрыл ворота.
Весьма грязна всегда его роба,
И работать ему не охота.
Хмурые тучи гнались тенями,
Врезаясь в здание без стекол.
В его мозгу недели казались днями,
И заканчивались пивом "Сокол".
В цеху его ждал Радик,
Оставлявший на трубах кривые швы.
Ночами он шел сторожем в детский садик,
Где крутился его глаз как у совы.
Кожа на лице его была бугриста,
Как как внутренность кишок у Минотавра
Он в молодости был в роли таксиста.
Когда СССР держались храбро.
В коробке черепа его мозг озирался,
Как осторожный выживший хорёк,
И мир давно ему уж не казался
Волшебным полем с множеством дорог
А Жанна обожает осьминогов.
Есть этих маринованных ребят
Она готова часто и помногу.
Но кто ж ей купит их, чтоб каждый день подряд?
Но какова бы ни была их тел просрочка,
При приближеньи четырех часов
В их механизмах пропадала проволочка.
На шкафчики же вешался засов.

Ты наклоняешь голову под душем.
А грейдеры уходят в черный зимний мрак
У холма, где звук шоссе уже приглушен,
Улыбаются на спутники овраг.
Лица слизней вязнут в стенах своих комнат,
Пока те стопки пьют под звук плетей,
Из искаженности реальности и комы
Выходят демоны, чтоб жрать ваших детей.
Равнодушно отбиваешься от гостей,
Выходя из сна как из пике,
Просыпаешься индусом самой низшей касты,
Плывёшь жмуром распухшим по реке.
Ты думаешь, что ты уже проснулся
В хрущёвке ранним утром февраля.
Но труп твой с верхней полки наебнулся,
И поезд мчит тебя сквозь снежные поля.

Другая Луна.
В осеннем цеху
Непонятные разуму звуки.
Свои вершины есть даже у дна,
В холодную землю погружаются руки.
Бегают собаки, растворяется соль.
В луже шатается стена.
Паяльной лампой плавится толь.
Мёртвый олень у ж/д полотна.
Заблудившиеся в чьём-то страшном сне,
В вязкой немоте стихотворений,
Болезненный выход за «да или нет»,
Огонь в темноте - развлекаются тени.
Рушится мой мир, задевая всех.
Паника. Panic. Ужас в повторении.
Тонет летописец в неводе вех.
Сцилла Труда и Харибда терпения.

Февраль, мороз, завод и баня.
Мне восемнадцать с лишним лет.
Иду по улице, ебланю.
За пивом, с другом, хуле нет?
Поселок ночью мутно-желтым
Сочился. Десять лет назад.
Я в кожанке отца потертой
Ходил в ДК. Там гоп отряд
Отплясывал под вспышки света.
И МС Вспышкин, "Руки Вверх".
Баллон "К.В.", медляк под Свету.
И толстый мент смотрел как стерх.

Послание Антону

Льется вода натужно
на фонтане у пса из брыл.
Мы пиво бухали дружно,
а ты его только открыл.
Мы шли с пацанами со смены,
а ты лишь ее принимал.
Мы бросили тыкать в вены,
пока ты шприц вынимал.
Мы вытерли кровь с паркета,
собрав осколки в пакет.
Когда ты порезался летом,
сжимая водку в руке.
Мы кидали камнями в пленных,
бегая детьми за зиндан.
А ты лишь рождался, бедный.
Из пизды вылезал по следам.
Которые мы протопали.
И ушли, ничего не найдя.
Не ходи ты чужими тропами,
выброси костыли вождя.

Из пенат возвращался в пенал
Запил бахламулуном
Тамбур от мороза стонал
Я лежал расплавленным гунном
Лето пылило придорожным кустом
Дачки и речки, бегущие влево
Открыл бутылку; чей-то мир под мостом
Мелькнул салон красоты "Королева"
Весна задыхалась в заборах и ветках
Пестрела в искусственных венках
Май конца света. На кухне соседка
Снег на тополей черенках.

Я как серый пепел на свинцовых плитах
Как помет голубиный на бронзовых плечах
Выпит был вчера водки целый литр
Мир тускнеет словно вечер при свечах

Над каждым мужчиной висит тюрьма,
Над каждой женщиной старость
Альтернатива - сойти с ума,
Чтоб ничего не осталось
Обесцененных жизней грязные будни
Государства каменный рот
Новый не пойманный Путник
Совершит не туда поворот.

Дочери на матерей похожи
Шагали мимо в качестве прохожих
Лицом все были не фонтан, конечно
Шагали мимо медленно и спешно
Словно лужи нефти на озерах
Плыли грязно тучи в небесах
Молодые старые позёры
Шагали в человеческих лесах
Старики тащили свои вещи
И вели гулять своих собак
Их руки были будто клещи
И воняло от их старческих рубах.
Люди - грубые мешки -
Впускали в жизнь корешки.
Старые привычки как решётки
Ржавели среди пасмурной погоды.

Что-то резко омрачился,
А потом вдруг погрузился
До школы вяло я тащился,
Ел тайком у парты мел
Серый пепел настроений
Оседал нам медных латах
Засыпал в сердечных рвениях
Вырваться из жизни лапок.
Мир слезился сквозь окошко.
Сам себя жалея хныкал.
На перчатку села кошка,
Три трубы спилил и сныкал.
Институт был за спиной,
Впереди завода клетки.
Наблюдавшие за мною –
Дом, родители, повестки.
Снег садился мокрой кучей.
Надписи за гаражами.
Задыхался тёмной тучей
У оврага со стрижами
Пересаживал рябину,
Думал, что так будет лучше.
У болота стоя в тину
Камешки кидал, где глубже...

Градус тоски повышался
Камыши ожидали весны
Город впереди появлялся
Арматуры в бетоне торчали как сны
Пешеходы быстро шагали
Фанаты жгли фаера
И в пределах коробки играли.
В переходе гитары игра.
Ветви от снега нагнулись
От вагона пахло углём
Мы в этот район вернулись
Дождливым осенним днём...

Чистят картошку, режут капусту
В цехе холодном, из шланга вода
В супе столовой завода не густо
Тащат киргизы тележку; еда.
Токарь шагает по коридору
В зимней телогрейке стоит инженер
Водитель кару поставил к забору
В очередь слесарь и ИТР
В сборочном цехе шумно и людно
А за забором мчится Москва
Я вырос в овраге, но здесь мне не трудно
Течь в сером потоке сквозь дней жернова

Каморка-слесарка вращается в Космосе
Как искусственный спутник Земли
Заполошная тóтошность в твоём родном голосе
И как будто все дни утекли
Мелькают прозрачные тени рабочих
Не желая растворяться в Ничто
Я еду на кузове в числе прочих
Грохочут шкафы, железяки листов...
Как взрослые люди - мы играем в примеры,
Того, для чего мы есть
В детстве мама грозила, что крайние меры —
Это то, что ты окажешься здесь
Ты сходишь с ума, не нашедши кастрюлю
И не закрываешь под душем глаза
Ты дразнишь больное животное Юлю
«Дай червя», - ей однажды сказав
Ты смотришь всегда исподлобья в дороге
На череду проносящихся крыш
Всё, что мы сделали - были предлоги
Пустить к пузу скользящую мышь.

Я не могу себя простить
За то, что я гулял в лесу
За то, что я сидел в овраге
И ел на кухне колбасу
Да, я её и покупал
И мясо брал для шашлыка
И незаметно проебал
Себя, тебя. Путь мудака

Сижу в бассейне со старухами,
Над головою надпись "SPEEDO",
Ад чередуя с расслабухами,
Нас жрет Капитализма идол.

Кому свезло быть между плитами
Чудным цветочком прорастёт
И дням его не быть разбитыми
Труда физического гнёт

Не ввергнет его в то отчаянье,
Что глушит синькой пролетарий,
Их экзистенция и чаянья
Куда сложнее и элитарней....

...На купол льёт противный дождь
В душе тотальнейший пиздец
Не тварь дрожащая, но вошь.
А что сказал бы мой отец?

СМЕРТЬ НА СМЕНЕ

Засохла застывшая сперма на члене.

Зарядился лежавший рядом мобильник.

Погасло изображение на экране с сообщением Лене.

Утром в 6:30 зазвонил будильник.

Несколько пропущенных звонков,

Мелодия из фильма "Бумер".

Утром пришёл Барков

И обнаружил, что я умер.

ЭДЕМ

А люди были пустые-пустые
Как камешки на воде
Их мысли были такие простые
Как воробушки в бороде
Я видел обои и этикетки
Колорадских жуков и людей
Одуванчиков лес и ивовые ветки
И по полю ходил как злодей
Меня волновало бросало листало
Я на ветках сидел и спал
Громоздился закат, я тащился устало
И всё заранее знал
Кусты в голове были форменным адом
Покой был вселенским сачком
Эфир победил ложно признанный атом
А мир нагрудным стал значком.

БИТВА В ЦЕХУ

Ордою мрачной в черных робах
во мраке ядерной зимы
ключи "тридцатки" в пальцах-скобах
на битву направлялись мы.
Щетины в масле, лица грубы
навстречу шёл другой отряд
держа кто цепи, а кто трубы
враждебных роб нестройный ряд.
Вот столкновение глухое
две орды темных мужиков
железо в плоть вбивают злое
меж стен разрушенных цехов.
Пыхтенье, запах перегара
морозный воздух, хриплый мат
в пылу кровавого угара
мы разнесли чужой отряд.

Мелкая щёбёнка
спит во тьме ночной,
мелькнула вот избёнка,
табличка "п.РЕЧНОЙ".
Негостеприимны
в темноте кусты
к свету фар столичных.
Ферма и пустырь.
Спит народ деревни,
сладко рты раскрыв,
снится сон им древний
про Первичный Взрыв.
Снится Заболоцкий
девочке Лейсан.
В сарае запах скотский
нюхает лиса.
Скрипит во сне зубами
старуха-инвалид.
В голове как в яме
мысли червь юлит:
Что обсчитала с пенсией
девушка-кассир.
"Наказать бы бестию!"
В райцентр на такси
поехала старуха.
Дождавшись девку ту,
в лицо (задевши ухо)
плеснула кислоту.

СЕРПАНТИН

Копошились серенькие тени,
В дыму краснели точки папирос:
Слесаря работали на смене -
Разбирали вакуумный насос.
В раздевалке мужики сидели.
Пили чай, курили не спеша.
Бабы суп из своих банок ели.
Брали хлеб, пакетами шурша.
В шапке меховой стоял начальник
Цеха. Старичок. О чём-то размышлял.
Закипал, постреливал электрочайник.
Журнал дежурный мастер заполнял.
Вода в трубе журчала, протекая.
Погрузчик дядя Женя говорил.
Сварщик дёргал глазом, электрод смыкая -
Железну загогулину варил.
Кобеля кружили возле суки,
Снег ложился мягкий словно пух.
Кто-то мыл обмылком трудовые руки
В робе, липкой как ловушка мух.
Альпинисты спали близ вершины.
Я колючий ужас ощущал во рту.
За Смертью в Бездну ехали машины.
Лязгали засовы в Пустоту.

Ты смеешься как сайгак,
У меня в душе бардак.
Ты когда-то мечтанула
Выпрыгнуть за этот мрак.
Веришь в юмор некрофилов,
Любишь баню и шашлык.
На башке судьбы насечки
Оставляя ножом привык
Ходишь быстро много где,
Чешешь дырку в бороде
Хоть машина твой «Subaru»,
Всё же тонет он в воде...

ПУТЁВКА ОТ ЗАВОДА В АНАПУ

Фитобар для фитоняши
В санатории «За Русь»
Инвалиды и мамыши
И отцов (в рубашках) грусть
Доинфаркиныепредпенсы
Доедают постсовок
И в разлив тут членпепенцы
Продают вино (не грог)
Ты в сандалиях с «Фикс-прайса»
Оккупированный пляж
Здесь сдают лежак по прайсу
Буржуины. Хоть крымнаш.
Ест рожок, скучает, ходит
В скверах тут электорат
Деньги в пиво переводит
Или в детский мармелад...

СОН НА ЗАВОДЕ

Гладкий словно лить бес
Скользнул плавно через шторы
Под одеяло к бабушке влез
Чёрный как негр с Гоморры
Грубые пятки ей щекотал
Совал язык в её ухо
Со свечой над нею летал
Как большая нарядная муха
Бабушка видела сон
Как в саду волновались осины
Как глядела герань из окон
На перелёт воробьиный
Бес разорвал подушку
И устроил вдруг снегопад
Перья садятся в кружку
Где челюсти бабки лежат
Бабка как мертвая кукла
Вскочила и бросилась в пляс
И лишь когда свечка затухла,
Рухнула на матрац

Стрекозы сброшены на пол
Муравьи воюют на клёне
Жуки занимают купол
Уховёртки ползут в батальоне
Сверкает гора минералов
Стоит ДОМ как носитель линий
Не понятна округлость кораллов
Но теперь мне нравится синий.

Старая советская вакуумная линия
Дремала в заброшенных местах,
Зимой покрывалась скорлупками инея,
Летом утопала в крапивы кустах.
Звуки города изредка доносились
До этого отрешенного пустыря,
Лишь муравьи по ржавчине носились,
Себе Чевенгур мастера.

Ты носишь голубые кальсоны,
Я свой нейродермит.
Мы уходим посменно с промышленной зоны
Двух свободных дней черпать лимит.
Нашей повседневностью питаются гасты,
Ты дико кричишь. Сон во сне.
Космос воняет помойкой зубастой,
Даруя жизнь лучезарной весне.
А в Цитадели хмурые призраки
Пьют тухлую воду из труб.
Жизнь превращает нам знаки в признаки
Из пачки семечек «Скорозуб»

ДЕТСКИЙ САД

Полусонная кухарка
Как морозная лягушка
Госпожа того приварка
Грустной жизни погремушка.
Сторож - зверь, скребущий плитку
Между снежных валунов.
И ракета у калитки
В холоде железных снов.

ДЕТСТВО

Дом гудел, сводя концы с концами:
Нитей, впечатлений, мыслей, дней,
Лежали на диване сыновья с отцами -
Смотрели «Улицы разбитых фонарей»
Мама в рюкзаке нашла таблетки,
Кот Матроскин заходил через окно.
Клевали сало снегири на ветке,
Я слушал на кассетнике КИНО,
По утрам ходили на «качалку»,
Пили льдом покрывшийся «Тархун»,
По ночам пилили алюминиевую палку -
Крали у соседки цветной лом.

Утро-подёнка, день – старожил,
Вечер-клеёнка нас дремой накрыл.
Ночь – восковая кукла-слепец,
День-работяга, хмурый отец.
Вечер – забывшийся в коме старик,
Утро – покрытый росой парик.

Я вижу магию будущих дней
Как волшебную пыль на геранях
Выпускаю на солнце своих слепней -
Где ты мокрая вышла после купанья.
Хорошая цитата как удачный пример -
Всегда рассмешит и ценится
Как ровно сделанный квартиры замер
Как эмульсол, который не пенится
Тяготы тяг, ловля окуня прошлого -
Вот он истырканный я
Подросток в посёлке с желанием пошлого.
Тревожность, виновность - семья.

Откровения бесполезного молодца

Я как мелочь копился-
копился, А потом облетел как
тополя, И, наверное, скоро б
спился, Если б не прибрала
земля...
Как Моцарт, услышавший Coil,
Я стоял ископаемым пнём.
На разлитый Аннушкой oil
Без башки наступал день за днём.
Мне казалось, что я бумажка,
Проглоченная шпионом
Я думал, что я букашка
В сачке для букашек сплетённом.
Я носил Сид Вишеса кеды
И Лермонтова трусы
Я мясо жрал Кастанеды
И таскал Сальвадора усы.
Как Годзилла, сожравшая Дагона,
Как медведь, насравший на теремок
Я видел в Чевенгуре Кобзона,
Поющего умеренный рок.
На меня охотились люди,
За то, что я был нелюдим.
Я лежал на серебряном блюде
Мне говорили – съедим!
Я загрыз себе до смерти губы
Я был позитивным юнцом
Я был унизительно грубым
Бесполезным я был молодцом.

В коммуналке пахнет луком.
Жареная курица
Я был сыном, другом, внуком
Небо мрачно хмурится
Помидоры 320
Ларёк "Фрукты-овощи"
Кто хотел бухать-ебаться
Теперь просит помощи
Оттопырили карман
Тыквенные семечки
Сырые плиты тянет кран
Водила тянет времечко
На кровати полежал
Вся подушка мокрая
Сам себя не уважал
Словно крыса дохлая
На окне герань стоит
Сморщилась как бабушка
Сплошь обман средь серых плит
А после дождя - радужка.

@DHARMA_ZINE

Булат Галеев
Казань-Москва 2006-2015